

ВТО

и мировая продовольственная система

(профсоюзный взгляд)

ВТО

и мировая продовольственная система

(профсоюзный взгляд)

Международный союз работников пищевой и табачной промышленности, сельского хозяйства,
ресторанного и гостиничного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей
IUF-UITA-IUL
Женева, 2002

Издание на русском языке осуществлено
Московским представительством IUF
Москва, 2003

Содержание

3	1. Введение: ВТО и “Глобальное сельское хозяйство”
7	2. Формирование ответной стратегии профсоюзов: подход, основанный на неразделимости прав
12	3. Соглашения ВТО и глобальное неравенство
	<i>3.1 Блок Развития</i>
	<i>3.2 Консолидация корпоративного контроля</i>
	<i>3.3 Понижающая гармонизация</i>
	<i>3.4 Удар по ГМО-маркировке</i>
21	4. Расширяя контекст
	<i>4.1 ВТО как режим</i>
	<i>4.2 Корпоративная глобализация: устранение барьеров</i>
	<i>4.3 Зависимость от экспорта и внешний долг</i>
26	5. Глобальные инвестиционные режимы
	<i>5.1 Инвестиционные правила внутри ВТО</i>
	<i>5.2 Глава 11 Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA)</i>
	<i>5.3 Соглашение о Панамериканской зоне свободной торговли (ФТАА) и двусторонние инвестиционные режимы</i>
30	6. Заключение: выводы для формирования стратегии

Введение: ВТО и «Глобальное сельское хозяйство»

Разобраться в сегодняшней мировой продовольственной системе — дело одновременно и простое, и сложное. Простое, если мы задумаемся о значении продовольствия для поддержания человеческой жизни. Еда нужна каждому; доступ к достаточной, безопасной и полноценной пище является одним из фундаментальных прав человека. Около 1,3 миллиарда людей активно занимаются производством сельскохозяйственной продукции; в сельском хозяйстве занята половина работающего населения планеты, включая 450 миллионов наемных сельскохозяйственных работников. В развивающихся странах сельскохозяйственные рабочие составляют большинство, а в некоторых странах — до 80% рабочей силы. Более половины наемных сельскохозяйственных работников в мире — женщины; 70% всего детского труда приходится на сельское хозяйство.

Большинство трудоспособного населения, вовлеченного в сельскохозяйственное производство, занимается производством продуктов питания. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), на женщин села приходится половина мирового производства продуктов питания и от 60 до 80 процентов производства продовольствия в большинстве развивающихся стран. Все сельскохозяйственные рабочие и мелкие фермеры являются одновременно производителями и потребителями продуктов питания, и их жизнь и средства к существованию связаны с жизнью и заработком тех, кто потребляет производимую ими пищу. Это простая, но основополагающая связь в мировой продовольственной системе.

Подход к пониманию мировой продовольственной системы, основанный на здравом смысле, заставляет задать несколько простых вопросов. Если доступ к безопасной полноценной пище так важен, то почему 820

миллионов человек сегодня живут в голоде? Почему голодают жители стран, продающих продукты питания на экспорт, и почему сельскохозяйственные рабочие находятся среди тех, кто недоедает? Если годовая стоимость мирового экспорта сельскохозяйственных продуктов составляет 545 миллиардов долларов США, то почему наемные сельскохозяйственные работники и мелкие фермеры относятся во всем мире к беднейшим слоям населения?

Если более половины всей рабочей силы на планете заняты в сельском хозяйстве, почему условия, при которых производятся продукты питания, столь губительны для здоровья и благополучия этих людей? По данным МОТ, не менее 170 000 сельскохозяйственных работников гибнут ежегодно в результате несчастных случаев на работе. Вероятность погибнуть на работе в сельском хозяйстве вдвое выше, чем в любом другом секторе. Из всего этого количества смертей 40 000 вызваны отравлением пестицидами. Считается, что ежегодно от трех до четырех миллионов человек, занятых на сельскохозяйственных работах, получают серьезные отравления пестицидами, которые их принуждают использовать; эти отравления приводят, помимо прочего, к развитию раковых заболеваний и нарушениям репродуктивной функции. Лишь пять процентов из 1,3 миллиарда сельских работников имеют доступ хотя бы к какой-нибудь системе трудовой инспекции или юридической защите своего права на безопасный для жизни и здоровья труд. И тем не менее круг вопросов корпоративной глобализации, агрессивно проталкиваемый такими организациями как Всемирная торговая организация (ВТО), нацелен на ослабление регулирующих функций государства и *снижение* уровня социальной защищенности.

После встречи в Сиэтле в 1999 году, которую ВТО называет “шагом назад”, Четвертая Министерская конференция ВТО в Дохе (9-15

ноября 2001 года) дала старт новому раунду либерализации торговли. Победителями в этом новом “Дохском раунде развития” несомненно являются транснациональные корпорации (ТНК), которые играют доминирующую роль в мировой экономике. Это касается и сельского хозяйства, и пищевой промышленности, где процесс слияний и поглощений сосредоточил контроль над отраслью в руках нескольких глобальных корпораций. Корпорации, поставляющие семена, слились с агрохимическими и биотехнологическими компаниями, видоизменив, по сути, всю мировую продовольственную систему. Президент отделения компании Monsanto по производству и продаже семян Роберт Фрэйли отметил: “Это не просто консолидация компаний, производящих семена, фактически это консолидация всей продовольственной цепочки”.¹

Именно благодаря такому контролю надо всей продовольственной цепочкой корпорации, подобные Du Pont, могут заявлять, что их “список дел, которые необходимо сделать для планеты” включает простую задачу: “накормить планету”. На деле же это означает, что люди будут все менее в состоянии прокормить себя без таких корпоративных гигантов как Du Pont, становясь все более зависимыми от продукции и методов производства ТНК. В этом смысле можно сказать, что продовольственная цепочка теперь на замке, а ключ – у транснациональных корпораций. Вот в каком направлении уводит нас корпоративная глобализация, и новый раунд переговоров ВТО призван ускорить это движение.

Все это не философские вопросы или размышления на тему морали и нравственности в современном мире. Это некоторые из самых основных *политических* вопросов, которые должны быть заданы в отношении системы, в которой мы живем. Они, в свою очередь, приводят к другому фундаментальному вопросу: если все это — самые серьезные проблемы, которые стоят сегодня перед миллиардами людей, почему ВТО не покладая рук трудится над тем, чтобы еще больше их усугубить? В итоговой Министерской декларации ВТО голод и

недоедание, продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство были отодвинуты в сторону как “неторговые вопросы”. Условия труда в сельскохозяйственном секторе вообще не были упомянуты. Вместо серьезных попыток заняться этими проблемами торговые переговоры сосредоточились на том, как усилить давление, оказываемое на сельскохозяйственных рабочих и мелких фермеров с целью дальнейшего развития конкуренции в их среде, и как полнее поставить их в зависимость от подвижного, постоянно колеблющегося рынка. И это тот же самый рынок, который лишил работы и разорил сотни тысяч мелких фермеров и сельских рабочих, оказавшихся лицом к лицу с падением цен на кофе, сахар и другую сельскохозяйственную продукцию. В то время, как голод и потребность миллионов людей в получении доступа к пище остаются одной из труднейших задач, стоящих сегодня перед человечеством, повестка дня ВТО ставит во главу угла получение “доступа на рынок”, причем такими способами, которые укрепляют власть и повышают прибыли корпораций агропищевого сектора.

В 1996 году Всемирный продовольственный саммит объявил о своих планах снизить количество голодающих в мире наполовину к 2015 году. Однако на переговорах в рамках ВТО для расширения глобального агробизнеса были поставлены более жесткие сроки. Тогда как снижение мирового голода наполовину намечено через 15 лет, конечный срок для завершения ускоренной рыночной либерализации в сельском хозяйстве определен в 15 месяцев — учитывая новые обязательства, принятые к Пятой Министерской конференции ВТО в Мексике в середине 2003 года.

Голод и неполноценное питание появляются в кадре лишь тогда, когда эта проблема может быть сформулирована на пользу агробизнесу. За несколько месяцев до Министерской конференции ВТО в Дохе Президент США Буш объявил: “Я хочу, чтобы Америка накормила мир. Мы упускаем огромные возможности, не только в нашем полушарии, но и на всей планете”.² Таким образом, глобальный гуманитарный кризис и широкомасштабное нарушение права людей

на доступ к достаточной, безопасной и полноценной пище определяются по-новому, как возможность для деловой активности. Среди тех, кто должен быть “накормлен Америкой” (т.е. американским агробизнесом), — мелкие фермеры и сельскохозяйственные рабочие многих стран мира, которые лишились средств к существованию в результате конкуренции, снижения цен на товары, долговых обязательств и безработицы, вызванных демпингом продукции корпораций пищевой отрасли и зависимостью от удобрений и семян, продаваемых по завышенным ценам. Более того, 30 миллионов жителей США, которые живут впроголодь, включая четыре миллиона недоедающих из экспортирующего продукты питания штата Калифорния, знают, что лишь тогда, когда их голод станет для кого-то возможностью заработать деньги, “Америка накормит Америку”.

Для правительства США накормить голодных на планете и расширить экспорт американской сельскохозяйственной продукции — суть одно и то же. Как провозгласил Буш: “Все начинается с того, что администрация берет на себя обязательство опрокинуть барьеры, препятствующие торговле, и мы его взяли”.

Что это за “барьеры”, как они “опрокидываются” и что происходит потом?

Вскоре после конференции ВТО в Дохе министр сельского хозяйства США Энн М. Венеман указала с предельной ясностью, что эти “барьеры” включают в себя любые попытки правительств защитить здоровье людей, гарантируя потребителям право отказываться от продуктов питания, содержащие генетически модифицированные организмы (ГМО). В частности, Венеман подвергла критике решение Европейского Союза ввести строгое регулирование в отношении пищевых продуктов, являющихся генетически модифицированными или содержащими ГМО, и их обязательную маркировку. Как и другие формы охраны окружающей среды и социальной защиты, ограничения в отношении ГМО рассматриваются как “барьеры”, которые должны быть опрокинуты или возведение которых необходимо не допустить с самого начала.

В том же выступлении Венеман еще раз указала на то, что “...неторговым вопросам нельзя позволить подрывать ключевые договоренности в рамках ВТО или уводить нас в сторону от нашей главной цели”. Эта цель не есть обеспечение всеобщего права на достаточное, безопасное и полноценное питание или развитие устойчивого сельского хозяйства, дающего средства к существованию миллионам людей. Она заключается в создании “глобального сельского хозяйства”.³ Согласно этим глобальным воззрениям, “будущая сельскохозяйственная политика должна быть ориентирована на рынок... она должна способствовать интеграции сельского хозяйства в мировую экономику, а не нашей изоляции от нее”. Именно в этом контексте подписанные в рамках ВТО Соглашение по сельскому хозяйству и Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных норм (SPS) и о технических барьерах в торговле (TBT) играют центральную роль в опрокидывании барьеров и укреплении господствующих позиций глобальных корпораций в мировой продовольственной системе.

Несмотря на различия во взглядах о том, когда и как следует проводить либерализацию сельского хозяйства и продвигать интересы агробизнеса, большинство правительств, представленных на конференции ВТО в Дохе, молчаливо поддерживают идею американского правительства о коммерциализированном, ориентированном на рынок “глобальном сельском хозяйстве”. За редкими исключениями, основные дебаты между участниками торговых переговоров велись вокруг того, кто и какую долю прибыли от “глобального сельского хозяйства” получит, а не вокруг нарушений прав трудящихся в деструктивном процессе глобализации сельского хозяйства.

Такое видение “глобального сельского хозяйства” не принимает во внимание социальный и экологический кризисы, которые встроены в современную мировую продовольственную систему, и те бесчисленные человеческие жертвы, к которым они приводят. Знаменательно, что права и средства к существованию миллионов рабочих, занятых в сельскохозяйственном секторе и пищевой отрасли, фермеров,

ВТО и мировая продовольственная система

ведущих нетоварное хозяйство, и маргинализированных/мелких фермеров, то есть тех, чей труд лежит в основе всей этой системы, проигнорированы полностью.

Вот почему рабочее движение должно решить задачу разработки долгосрочной всеобъемлющей стратегии, которая гарантирует, что мировая продовольственная система будет настроена в первую очередь на обеспечение права на безопасность и гарантированность продуктов питания, на продовольственный суверенитет, а также

обеспечение прав и средств к существованию трудящихся, занятых в производстве пищевых продуктов.

1 Процитирован газетой *The Guardian*, 15 декабря 1997 года

2 Газета *New York Times*, 19 июня 2001 года.

3 Речь министра сельского хозяйства США Энн М. Венеман, Оксфорд, Великобритания, 3.01.2002.

2. Формирование ответной стратегии профсоюзов: подход, основанный на неразделимости прав

Как же нам как профсоюзам, объединяющим и представляющим интересы работников сельского хозяйства и пищевой промышленности и поддерживающим интересы маргинализированных и мелких фермеров, ответить на складывающуюся ситуацию?

Будет недостаточно просто добавить эти проблемы к рабочим планам наших профсоюзов в качестве новых пунктов. Нам необходим подход, который обеспечит критичное понимание ВТО и глобализации сельского хозяйства, подход, который прояснит все происходящее и заложит основу для ответных профсоюзных действий. Такие ответные действия предполагают наличие стратегии и тактики, которые должны учитывать всю сложность и многоплановость проблем, не увязая при этом в технических деталях и не скатываясь на малозначительные дебаты. Как мы увидим ниже (в разделе 4), подходить к соглашениям ВТО как к юридическим текстам, требующим технического понимания и технического же исправления, — это самоограничительная стратегия, которая не учитывает всю силу ВТО и все аспекты ее политики.

Если мы хотим, чтобы наша стратегия дала нашим членам реальные результаты, она должна соотноситься с таким видением глобализации сельского хозяйства и ВТО, которое даст нам набор критериев для понимания их воздействия на рабочих и мелких фермеров во всем мире. Более того, она должна служить профсоюзам своего рода дорожной картой, на которую они будут наносить свои ответные действия. Нам нужен общий план, который укрепит международную солидарность и заложит основу для международной координации наших ответных действий и при этом будет уважать и поощрять разнообразие стратегий и тактик на национальном и местном уровнях.

Во введении мы указали на то, что ВТО, и все формы неолиберальной политики в целом, подрывают условия труда и средства к существованию трудящихся и блокируют доступ к достаточной, безопасной и полноценной пище. Иначе говоря, ВТО и неолиберальная политика лишают людей права на достаточное, безопасное и полноценное питание.

Данная брошюра не содержит всестороннего анализа соглашений ВТО и их воздействия на продовольствие и сельское хозяйство; вместо этого в ней сделана попытка разработать некую рамочную структуру для ответной профсоюзной стратегии. Эта структура начинается с набора принципов и целей — приверженности *защите прав* — и использует их для оценки влияния деятельности ВТО на мировую продовольственную систему и для четкого определения тех проблем, которые стоят перед сельскохозяйственными рабочими и мелкими фермерами. Здесь представлены *основанный на неразделимости прав подход*, который позволит понять результаты Соглашения ВТО по сельскому хозяйству, особенно последствия нового раунда переговоров, кульминацией которого станет Пятая Министерская конференция ВТО в Мексике в 2003 году, а также направления для обучения и мобилизации наших членов.

Один подход заключается в том, чтобы согласовать некий набор единых прав, который охватывает максимально возможное число вопросов, но остается при этом ясным и управляемым. Эти права должны рассматриваться как единый пакет, неразделимый не только в принципе, но и на практике. Это важный момент, ибо одна группа прав не может быть реализована без другой. Поскольку проблемы, стоящие перед нами, многогранны и связаны с широким спектром других проблем, нам необходим интегрированный подход, позволяющий учитывать сразу широкий круг вопросов.

Принцип взаимозависимых, неразделимых прав, безусловно, не нов. Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1947 году, выдвигает то же самое понятие. Говоря о неразделимости этих прав, FAO отметила, что:

Гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права, провозглашенные во Всеобщей декларации, считаются взаимозависимыми, взаимосвязанными, неразделимыми и равнозначными. Чтобы быть в состоянии в полной мере пользоваться правом на достаточное питание, людям необходимы доступ к здравоохранению и образованию, уважение их культурных ценностей, право на владение собственностью и право на экономическую и политическую самоорганизацию.

Довод о взаимозависимости и неразделимости прав также применим к Международному пакту ООН об экономических, социальных и культурных правах (1966). В числе прав, оговоренных в этом документе, Статья 8 Пакта гарантирует право на создание организаций, свободу объединения и право на забастовку, а Статья 11 гарантирует право на достаточное питание.

Однако ответная профсоюзная стратегия, которая соединяет права трудящихся и профсоюзов с правами на достаточное питание, выходит за пределы одних только принципов и распространяется также на практическую деятельность на местах. Интегрированный подход необходим не только в силу многообразия проблем, которые ставит перед нами мировая продовольственная система, но и из-за природы самой продовольственной цепочки, где интересы работников и потребителей находятся в неразрывной связи.

Слишком часто право на безопасное питание рассматривается как некий принцип, который должен быть увековечен в многосторонних соглашениях, подобных Соглашению ВТО по сельскому хозяйству. Это важный принцип, но любой серьезный подход к обеспечению его практической реализации должен учитывать ту роль, которую рабочие играют в выращивании и переработке продовольствия. Касается ли это вредных пестицидов или ускорения производственного процесса,

защита права на безопасное питание начинается не на кабинетной полке, а на полях и фабриках. Например, широко распространенная проблема синдрома повторного напряжения (СПН), высокий уровень травматизма и смертности в пищевой промышленности напрямую связаны с высокой скоростью производственных процессов и интенсивностью труда. Повышение скорости забоя скота и переработки мяса в два, а потом и в три раза за последние десятилетия явилось одним из главных факторов распространения патогенов, вызвавших участвовавшие случаи отравления мясными продуктами питания. Производственная система, которая ставит под угрозу жизнь и здоровье рабочих, способствует также выпуску недоброкачественной пищевой продукции. Поэтому право на безопасное питание нельзя отделить от права рабочих, занятых в пищевой промышленности, объединяться и вести коллективные переговоры, добиваясь обеспечения безопасности рабочей среды. Более того, если нельзя отделять одну группу прав от другой на практике, то нельзя разделять их и в стратегии, которая нацелена на то, чтобы обеспечить на международном уровне реальное пользование правом на безопасность продуктов питания. Именно по этой причине принятая в 2001 году новая Конвенция МОТ о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве должна рассматриваться в равной мере и профсоюзами, и объединениями мелких фермеров, и организациями потребителей как инструмент для защиты не только прав сельскохозяйственных рабочих, но и права всех трудящихся людей на доброкачественные, безопасные продукты питания.

Борьба за соединение прав работников пищевой промышленности с правом на полноценное безопасное питание не является чем-то новым. IUF давно привержен защите и развитию всеобъемлющего набора прав, касающихся производства, распределения и потребления продуктов питания. Сюда входит и право на достаточное, безопасное и полноценное питание, посредством которого производство пищевых продуктов настраивается на удовлетворение человеческих потребностей. Параграф 6 Статьи 2 Устава IUF гласит:

Вставка 1: Конвенции МОТ, касающиеся сельского хозяйства

Конвенция № 87: Свобода объединения и защита права на создание организаций

Конвенция № 98: Право на создание организаций и коллективное ведение переговоров

Конвенция № 29: Принудительный труд

Конвенция № 105: Упразднение принудительного труда

Конвенция № 100: Равное вознаграждение

Конвенция № 111: Дискриминация в области труда и занятий

Конвенция № 138: Минимальный возраст для приема на работу

Конвенция № 11: Право на объединение в сельском хозяйстве

Конвенция № 141: Организации сельских трудящихся

Конвенция № 129: Инспекция труда в сельском хозяйстве

Конвенция № 99: Процедура установления минимальной заработной платы в сельском хозяйстве

Конвенция № 101: Оплачиваемые отпуска в сельском хозяйстве

Конвенция № 25: Страхование по болезни трудящихся в сельском хозяйстве

Конвенция № 36: Страхование по старости в сельском хозяйстве

Конвенция № 38: Страхование по инвалидности в сельском хозяйстве

Конвенция № 40: Страхование на случай потери кормильца в сельском хозяйстве

Конвенция № 12: Возмещение при несчастных случаях в сельском хозяйстве

Конвенция № 10: Минимальный возраст в сельском хозяйстве

Конвенция № 110: Плантации

Конвенция № 184: О гигиене и безопасности труда в сельском хозяйстве

В рамках своей конкретной сферы деятельности IUF призван активно способствовать организации мировых пищевых ресурсов на общее благо всего человечества и будет стремиться к обеспечению адекватного учета интересов трудящихся и потребителей на всех стадиях процесса формирования национальной или международной политики в отношении производства, переработки и распределения пищевых продуктов и сопутствующих товаров.

Задача достижения “адекватного учета интересов трудящихся и потребителей на всех стадиях процесса формирования национальной и международной политики” выражает особое право — право организаций трудящихся, вместе с выразителями интересов потребителей, формировать национальную, территориальную и международную продовольственную политику. Тем не менее, обсуждая ниже ВТО и мировую продовольственную систему, мы увидим, что ВТО систематически игнорирует это право, сокращая пространство, в котором интересы трудящихся и потребителей могут

определять продовольственную политику, и делается это с целью укрепить власть и защитить интересы агропищевых, химических и биотехнологических корпораций. Более того, на всех стадиях формирования национальной и международной политики ВТО насаждает модель ориентированного на рынок, промышленного сельского хозяйства, которое ставит производство продуктов питания с целью получения корпорациями прибыли выше общественного блага для всего населения в целом.

Одного права на гарантированность продуктов питания недостаточно, если его интерпретация сужается до простого наличия пищи в продаже. Важными факторами здесь являются также: кто эту пищу производит, как она производится и имеет ли ее производство необходимую устойчивость и мощность, чтобы поддерживать поставки продуктов питания в достаточных объемах в течение длительного времени. Концепция гарантированности продуктов питания была включена в Решение Министерской конференции ВТО в Марракеше, но в нем она

определяется по иному: как наличие продовольствия на рынке, а не как достаточность пищи для всего населения или достаточная полноценность потребляемых продуктов. На практике Марракешское Решение позволяет правительствам развивающихся стран, которые являются чистыми импортерами продовольствия, дотировать и производить прямую оплату только импорта продовольствия в случае его нехватки. Другими словами, в развивающихся странах правительственные субсидии импорта *коммерческих* продуктов питания разрешаются, а субсидирование местных производителей продовольственных товаров нет. Это противоречие привело к тому, что некоторые стали утверждать, что подлинная гарантированность продуктов питания может быть достигнута только в условиях продовольственного суверенитета.

Концепция продовольственного суверенитета является относительно новой. Она датируется 1996 годом и была разработана специально в ответ на угрозу, которую представляет собой деятельность ВТО в отношении способности бедных стран развивать и поддерживать национальное производство основных продуктов питания в достаточных объемах. В этом контексте простое наличие продовольствия в продаже (а именно так ВТО определяет гарантированность продуктов питания) уже не является достаточным, поскольку в этом случае не учитываются источник происхождения этих продуктов и средства к существованию, зависящие от их производства и потребления. Полезное рабочее определение продовольственного суверенитета можно найти в Итоговой декларации Всемирного форума по продовольственному суверенитету, прошедшему в Гаване 7 сентября 2001 года:

Продовольственный суверенитет есть средство искоренения голода и недоедания и обеспечения длительной и устойчивой гарантированности продуктов питания для всех народов. Мы определяем продовольственный суверенитет как право народов формулировать свою собственную политику и стратегию создания устойчивой системы производства, распределения и потребления продовольственных продуктов, которая гарантирует реализацию права на достаточное питание для всего

населения, основанную на мелком и среднемасштабном производстве, политику и стратегию, уважающую их национальные культуры и все разнообразие крестьянских, рыболовецких и коренных форм сельскохозяйственного производства, маркетинга и управления сельскими районами, в которых женщины играют фундаментальную роль.

Если мы соединим понятие продовольственного суверенитета с продовольственной безопасностью и составим ключевой набор прав, объединив интересы трудящихся - наемных рабочих, мелких фермеров, фермеров, ведущих нетоварное хозяйство, и потребителей, то нижеследующий набор неразделимых прав может образовать основу для профсоюзной стратегии:

✓ **Право на достаточное, полноценное и безопасное питание**

✓ **Право на продовольственную безопасность (гарантированность продуктов питания) и продовольственный суверенитет**

✓ **Право на создание организаций и ведение коллективных переговоров и свободу объединения**

✓ **Право на безопасную рабочую среду и здоровую среду проживания**

✓ **Право на защиту средств к существованию**

Начав с этих основополагающих единых прав, мы затем сможем установить, совместимы ли с этими правами соглашения, подобные Соглашению по сельскому хозяйству, и в целом вся деятельность ВТО. Мы должны спросить, не несут ли в себе эти вселенские правила построения "глобального сельского хозяйства" отрицания или ограничения *любого* из этих прав и могут ли они сосуществовать с этими правами. Подход, основанный на неразделимости прав, помог бы повысить критичное понимание ключевых аспектов современной мировой продовольственной системы и воздействия на нее корпоративной глобализации. Он требует от нас

разобраться в противоречиях между потребностями и фактическим состоянием мировой продовольственной системы и разработать стратегию и тактику достижения наших целей.

Главной целью этой стратегии не является принятие решения о том, следует нам или нет добиваться включения этих прав в Соглашение по сельскому хозяйству или быть вовлеченными в бесплодные дебаты на тему “реформировать или отменить”. Она, скорее, нацелена на то, чтобы показать всю глубину несовместимости этих прав с Соглашением по сельскому хозяйству и всем режимом мировой торговли и инвестирования, частью которого оно является. Наша стратегия здесь сфокусирована не на том, чтобы перебирать технические тонкости Соглашения или стремиться изменить его формулировку, а на том, чтобы со всей решимостью предложить и отстоять набор основанных на единых правах приоритетов, задач и процессов, которые — в случае их принятия — сделали бы Соглашение по сельскому хозяйству бесполезным для корпоративных интересов, его сформировавших.

Здесь встает вопрос о том, как наш подход может использовать существующие международные договоренности, предназначенные для того, чтобы гарантировать эти права. Существует прочная основа для выдвижения довода о том, что исполнение этих договоренностей — таких как Конвенции МОТ, гарантирующие основные права профсоюзов и трудящихся, а также права сельскохозяйственных рабочих (см. Вставку 1) — должно *превалировать* над соглашениями ВТО. Более важным вопросом является то, как нацеленность на гарантирование единых прав акцентирует роль национальных правительств, поскольку в значительной степени только на национальном и региональном уровне эти права могут быть законодательно закреплены и реализованы.

Мы можем подытожить эту стратегию — и ее полезность — следующим образом:

- Подход, основанный на неразделимости прав, используется для оценки последствий существующих режимов мировой торговли и инвестирования и

определения, какого рода коллективные действия необходимо предпринять.

- Подавление этих прав вскрывает политическую и экономическую логику, лежащую в основе Соглашения ВТО по сельскому хозяйству и других подобных режимов.
- Эти права рассматриваются не только как набор принципов, но и как задачи, определяющие ответные действия профсоюзов.
- Эти права являются не пассивными принципами, а орудиями борьбы трудящихся за преодоление бедности, незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне, с которыми мы сталкиваемся сегодня.
- Эти права необходимы для усиления демократического контроля и развития возможностей для коллективных действий.
- Основанный на правах подход необходим для устранения неравенства и дисбаланса между странами и внутри них.
- Одновременно с этим, подход, основанный на правах, помогает нам сосредоточиться на системных и повсеместных нарушениях прав трудящихся, позволяя, таким образом, избежать сужения анализа до отдельных стран и поверхностного противопоставления Севера Югу.

И, наконец, основанный на правах подход напоминает нам о неотложности действий, которые мы должны предпринять. Голод и недоедание, разрушительное воздействие современной мировой продовольственной системы на здоровье человека и окружающую среду, серьезные травмы и несчастные случаи со смертельным исходом, преследующие работников агропищевого сектора, систематическое нарушение прав трудящихся и растущее чувство незащищенности — все эти проблемы, с которыми сталкиваются рабочие на своих фабриках, плантациях, фермах и у себя дома, делают отношение по принципу “поживем — увидим” непозволительной для нас роскошью. И эти проблемы никуда не уйдут за то время, пока мы занимаемся лоббированием и оттачиваем политику.

3. Соглашения ВТО и глобальное неравенство

В вводной части мы рассмотрели, как наиболее серьезные проблемы, стоящие перед нами, — массовый голод и недоедание, бедность и плохие условия труда — игнорируются ВТО. Это не просто вопрос расстановки приоритетов или исключения основных вопросов, волнующих трудящихся, из повестки дня ВТО. Дело в том, что социальные, политические и экономические меры, необходимые для того, чтобы голодных и недоедающих стало меньше, условия труда в сельском хозяйстве улучшились, а интересы и средства к существованию сельскохозяйственных рабочих и мелких фермеров были защищены, являются выражением определенного набора *прав*, которые требуют общественного регулирования и защиты — того самого общественного регулирования и той самой защиты, которые рассматриваются ВТО как *“барьеры”*. Соглашение по сельскому хозяйству, например, объявляет меры, принимаемые на национальном и местном уровне для защиты средств к существованию мелких фермеров, и субсидирование национального производства продовольственных продуктов барьерами, подлежащими обязательному устранению. Продовольственная безопасность может достигаться лишь за счет покупки продовольствия на мировом рынке, а не за счет наращивания внутренних мощностей для их производства. Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных норм (SPS) рассматривает меры по санитарно-гигиеническому контролю и обеспечению безопасности продовольственных товаров, призванные не допустить импорт продовольственных продуктов, переносящих болезни и вредителей, или защиту общественного здоровья посредством введения жестких инспекционных процедур как *“барьеры”*, которые должны быть уничтожены во имя свободной торговли.

Правила и обязательства внутри ВТО касаются не только устранения барьеров. Они также определяют функционирование продовольственной политики во всем ее объеме и *предназначение* сельского хозяйства. Соглашение ВТО по сельскому хозяйству способствует развитию такой системы торговли и инвестиций в сфере пищевой промышленности и сельского хозяйства, которая основана на крупномасштабном, ориентированном на рынок промышленном производстве. Сельское хозяйство такого рода ставит прибыли корпораций выше нужд людей и подстегивает наполнение мирового рынка, а не развитие внутреннего производства продовольственных продуктов.

Соглашение ВТО по сельскому хозяйству и другие связанные с ним договоренности ВТО сковывают свободу национальных правительств в области введения регуляторных мер, необходимых для решения проблем продовольственного дефицита, голода и бедности сельских районов, сводя варианты борьбы с этими проблемами, которые правительства могут избирать для себя, до узко определенного набора прорыночных политических мер. В результате *существующие* проблемы бедности, лишений и потери земли и рабочих мест лишь усугубляются, а права на продовольственную безопасность и суверенитет подрываются в корне.

ВТО допускает продолжение некоторых видов субсидирования, в частности, субсидирование экспорта посредством предоставления экспортных кредитов и прямые дотации фермерам. Эти субсидии широко распространены во всех крупных промышленно развитых державах, однако развивающиеся страны склонны полагаться на менее дорогостоящие меры, такие как тарифы. Обязательства, принимаемые на себя членами ВТО, требуют отмены тарифов, но

разрешают субсидирование экспорта на манер схемы предоставления экспортных кредитов и прямого перечисления средств в счет фермерского дохода, используемых правительством Соединенных Штатов. Постоянное использование экспортных субсидий и других форм внутренней поддержки крупного агробизнеса в США и ЕС позволяет осуществлять массированный демпинг продовольствия по заниженным ценам в развивающиеся страны.

Правительства США и ЕС со всей решимостью не допустили включения вопроса об экспортном демпинге в повестку дня конференции ВТО в Дохе, не будет он обсуждаться и в Мексике — несмотря на тот факт, что экспортный демпинг является одной из основных угроз для средств к существованию мелких фермеров и наемных сельскохозяйственных рабочих в бедных странах.

В ответ на проблемы, вызванные демпингом экспортной продукции, Вторая Всемирная конференция Сельскохозяйственной секции IUF (Кейптаун, ЮАР, 5 и 6 октября 1998 года) приняла резолюцию, призывавшую США и ЕС прекратить субсидирование экспорта.

3.1 Блок Развития

Один из основных упреков в адрес Соглашения по сельскому хозяйству состоит в том, что оно усугубляет глобальное неравенство — неравенство между промышленно развитыми и развивающимися странами и неравенство внутри самих стран между крупным агробизнесом и мелкими фермерами. В то время как развивающиеся страны принуждаются к снижению тарифов на импорт и отмене нетарифных ограничений на импорт, которые не были конвертированы в тарифные эквиваленты во время переговоров по Генеральному соглашению о тарифах и торговле (GATT), основные промышленно развитые страны, такие как США, ЕС и Япония поддерживают значительно более высокие уровни тарифов даже после снижения.

Именно по этой причине правительства ряда развивающихся стран потребовали включения в Соглашение по сельскому хозяйству специального “Блока Развития”. Предложение о включении Блока Развития отражает ограниченную попытку на уровне международной политики исправить

Вставка 2: Резолюция Всемирной конференции Сельскохозяйственной секции IUF о воздействии экспорта субсидируемой сельскохозяйственной продукции на экономику развивающихся стран

США и Европейский Союз (ЕС) проводят политику экспорта субсидируемой сельскохозяйственной продукции в отдельные страны с целью искусственного снижения цен. Эта политика ведет к разорению ферм, плантаций и снижению занятости в сельском хозяйстве в Южной, Восточной и Западной Африке и других регионах мира.

Таким образом, субсидируемый экспорт из ЕС и США способствует росту голода и разрушению потенциала для укрепления местного и национального сельскохозяйственного производства во многих регионах мира.

В связи с этим Вторая Всемирная конференция Сельскохозяйственной секции IUF призывает:

- Правительства и представителей США и ЕС:
 - прекратить экспорт субсидируемой сельскохозяйственной продукции в менее развитые регионы мира;
 - совместно с производителями сельскохозяйственной продукции и профсоюзами сельских работников отслеживать воздействие субсидируемого экспорта на местное сельскохозяйственное производство и публиковать результаты таких наблюдений;
- Профсоюзное движение, демократическое гражданское общество и всех прогрессивных людей:
 - действовать с целью положить конец этой разрушительной политике.

дисбаланс в правилах ВТО, предоставив правительствам развивающихся стран большую гибкость в защите “фермеров с низким уровнем дохода и ограниченными ресурсами” от более дешевой импортной продукции и в поддержке национального производства “культур, обеспечивающих продовольственную безопасность”. Эти культуры включают в себя основные продовольственные культуры или продукты, производство которых является основным источником дохода для бедных семей и семей с низким уровнем дохода. Блок Развития исключил бы некоторые культуры, обеспечивающие продовольственную безопасность, из сферы действия обязательств по снижению тарифов, содержащихся в Соглашении по сельскому хозяйству. Блок Развития включает в себя более раннее предложение о включении отдельного “Продовольственного Блока”, который предполагал нераспространение правил, установленных Соглашением по сельскому хозяйству, на “меры, которые разрешается применять странам с целью обеспечения внутренней продовольственной безопасности”. Этот подход прямо противоположен концепции продовольственной безопасности, основанной на импорте продовольственных товаров.

На Министерской конференции ВТО в Дохе представители правительств Гаити, Гондураса, Доминиканской Республики, Зимбабве, Кении, Кубы, Нигерии, Никарагуа, Пакистана, Перу, Сальвадора, Сенегала, Уганды и Шри-Ланки образовали “Группу сторонников Блока Развития” как группу для ведения переговоров по Соглашению по сельскому хозяйству. В заявлении для прессы, опубликованном Сторонниками Блока Развития в Дохе 10 ноября 2001 года, высвечены элементы неравенства существующей системы:

Предполагается, что ВТО должна обеспечить всеобщее равенство в торговле, однако современная система торговли сельскохозяйственными товарами на практике узаконивает элементы неравенства в ней, допуская, например, демпинг сельскохозяйственной продукции с Севера. Со времени Уругвайского раунда субсидии Организации Экономического Сотрудничества

и Развития (ОЭСР) на местное сельскохозяйственное просиводство выросли на 50% и превысили 370 миллиардов долларов США, то есть примерно 1 миллиард долларов в день — что составляет ежедневный доход 1 миллиарда беднейших людей на планете. Субсидии покрывают 45% себестоимости всей продукции. Мелкие фермеры развивающихся стран просто не в состоянии конкурировать в столь неравных условиях.

Во многих развивающихся странах мелкие фермеры составляют до 60-90% населения. Сельскохозяйственное производство имеет жизненно важное значение как основной источник занятости и продовольственной безопасности. Поскольку гарантированных альтернативных источников занятости для такого большого числа людей нет, крупномасштабный импорт продовольственных товаров для многих из наших стран равнозначен импорту безработицы и подрыву гарантированности продуктов питания.

Несмотря на все эти тревоги и озабоченность, предложение о включении Блока Развития и иные призывы к “особому и дифференцированному подходу” (S&D) к развивающимся странам встретили серьезное сопротивление со стороны США, ЕС и неформальной ассоциации стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции, известной как Cairns Group. Итоговый вариант Министерской декларации в Дохе так и не содержал упоминания о Блоке Развития.

Специальное заседание по Соглашению по сельскому хозяйству, состоявшееся с 4 по 6 февраля 2002 года, вновь отвергло предложение о включении Блока Развития. Правительство США выдвинуло аргумент, что Блок Развития противоречит направлению, определенному в Министерской декларации в Дохе, и что любой вид особого и дифференцированного отношения должен подчиняться общей рыночной логике Соглашения по сельскому хозяйству, поддерживая в сельскохозяйственном производстве рыночно обоснованные инвестиции и торговлю.

Формально правительство Соединенных Штатов право, утверждая, что осуществление

более гибкой, нерыночной политики противоречит логике Соглашения по сельскому хозяйству. По условиям этого соглашения, подписавшие его стороны не имеют права разрабатывать политику, которая отстаивает внутреннюю продовольственную безопасность и средства к существованию для мелких и обедневших фермеров, то есть политику, основанную на заботе о людях, а не на логике рынка. *Они отказались от этого права, когда подписали Соглашение по сельскому хозяйству.*

Исключения, предлагаемые Блоком Развития, не могут быть внесены в Соглашение по сельскому хозяйству, поскольку они вступают в конфликт с его подлинным предназначением, которое состоит в том, чтобы развивать зависимость от рынка. Эта зависимость ограничивает возможности правительств в поиске нерыночных альтернатив решения проблемы продовольственного дефицита и защиты фермерских хозяйств. Для экспансии крупномасштабного коммерческого агробизнеса, нацеленного на экспорт, *необходимо* иметь то самое неравенство, которое Блок Развития пытается исправить. Рыночные возможности для ориентированного на экспорт агробизнеса существуют лишь благодаря этому неравенству и разрушению местного потенциала для достижения продовольственной самодостаточности. Предложение "Группы сторонников Блока Развития" имеет, таким образом, врожденный изъян, поскольку вся основа Соглашения по сельскому хозяйству заключается не в том, чтобы способствовать честной торговле на равных условиях, а в том, чтобы укрепить это неравенство и зависимость развивающихся стран от импорта, ибо развивающиеся страны — это самый быстро растущий рынок для агробизнеса США и ЕС.

Другая проблема, возникающая в связи с предложениями о блоковых исключениях, таких как Блок Развития, состоит в том, что Согласительный Пункт устанавливает для них в Соглашении по сельскому хозяйству крайний срок. В нем оговаривается, что срок для исключения некоторых видов "блоковых" субсидий истекает с окончанием Уругвайского раунда переговоров, на смену которому придет новый раунд международных переговоров, названный

в Дохе Раундом Развития, который должен быть запущен на Министерской конференции ВТО в Мексике в 2003 году. Даже если развивающиеся страны и преуспели бы во включении Блока Развития или Продовольственного Блока в Соглашение по сельскому хозяйству, то ЕС, США и страны-члены Cairns Group, вероятнее всего, привязали бы исключения из правил по этим блокам к 2003 году как к конечному сроку их действия по условиям Согласительного Пункта.

Хотя нам и следует поддерживать вопросы, поднятые в предложении о Блоке Развития, *на основе права на продовольственную безопасность и суверенитет*, мы должны признать тот факт, что и в этом предложении ничего не говорится о защите занятости, условий труда и зарплате наемных сельскохозяйственных рабочих, занятых в производстве продуктов питания. По сути, правительства, объединившиеся в эту группу на переговорах, не сделали ничего, чтобы гарантировать трудовые и профсоюзные права сельскохозяйственных рабочих и отказали и им, и мелким фермерам в праве на защиту их средств к существованию.

Существуют серьезные ограничения, изначально присущие подходу, основанному на понятии "развивающиеся страны", который никак не оспаривает доминирующее определение национального развития с его разделением стран на развитые, развивающиеся и наименее развитые. Это затеняет бедность, неравенство и недостаточное развитие внутри самих стран, включая те, которые включены в категорию развитых. В промышленно развитых странах мелкие фермеры и фермерские кооперативы пострадали от разрушительной конкуренции, обезземеливания и непосильных долгов в результате расширения крупных промышленных хозяйств и предприятий агробизнеса. Субсидирование экспорта в США, например, не принесло никакой выгоды подавляющему большинству фермеров. Рост концентрации и централизации сельскохозяйственного производства привел к подъему промышленных ферм и упадку семейных

хозяйств. Более половины сельхозпродукции в США вырабатываются лишь двумя процентами ферм, тогда как 73% фермерских хозяйств производят только 9% продукции. Вопиющее положение сельскохозяйственных рабочих в США известно достаточно широко и не требует подробного рассмотрения здесь.

Подход, основанный на понятии “развивающиеся страны”, в конечном счете, сводится к поддержке торговых технократов Юга (и интересов местного капитала, которые они представляют) как сторонников “альтернативной позиции”. Наша задача как профсоюзов не должна сводиться к обеспечению корпоративного благополучия для местных капиталистов. Вместо этого мы должны стремиться наращивать потенциал для демократического управления и контроля и бороться против ограничений, накладываемых на этот контроль.

3.2 Консолидация корпоративного контроля

Подлинная причина глобального неравенства кроется не в противопоставлении Севера Югу, а во власти транснациональных корпораций Севера и той политической поддержке, которую они получают от политической верхушки в своих странах и за рубежом. ВТО узаконивает эту поддержку и предоставляет ТНК все больший контроль над формированием продовольственной политики во всем мире.

На данный момент 10 крупнейших агрохимических компаний контролируют около 80% мирового рынка, оцениваемого в 32 миллиарда американских долларов, а 80% мирового зерна распространяются всего двумя компаниями, Cargill и Archer Daniel Midland. Примерно 75% торговли бананами контролируются всего пятью корпорациями; три корпорации контролируют 83% торговли какао, еще три — 85% торговли чаем. Это лишь несколько примеров, иллюстрирующих размах корпоративной монополизации и контроля над мировой продовольственной системой.

По данным FAO, за последние 30 лет торговый дефицит развивающихся стран в

торговле зерновыми вырос с 17 до 104 миллионов тонн. FAO видит в этом “опасную тенденцию”, поскольку исторически и промышленно развитые, и развивающиеся страны достигали продовольственной безопасности посредством наращивания внутреннего производства продовольствия. Однако все это не просто результат несправедливых правил, которые должно исправлять с помощью временных мер, подобных Блоку Развития. На самом деле это результат осознанной стратегии агропищевых ТНК по расширению рынков сбыта для своей продукции в развивающихся странах и, посредством этого, усиления зависимости этих стран от импорта продовольствия. Это предполагает устранение местных конкурентов и получение контроля над этими растущими рынками. Перевод землепользования на нетрадиционные экспортные культуры создает парадоксальную ситуацию, при которой растет зависимость от ТНК в плане доступа на рынки, сбыта продукции и закупки всего необходимого для производства — включая семена, — и одновременно импортируется щедро субсидированная сельхозпродукция, заменяющая собой вытесненные традиционные культуры. С точки зрения агробизнеса, в этом и состоит “доступ к рынку”, узаконенный в Соглашении по сельскому хозяйству.

Например, на Филиппинах программа правительства по стимулированию экспорта товарных культур взамен риса и кукурузы привела к конверсии 2,5 миллионов гектаров рисовых и 2,5 миллионов гектаров кукурузных полей под животноводство. Это было связано с поддержкой министерством сельского хозяйства США плана компании Cargill стать одним из основных экспортеров кукурузы на Филиппины, что превратило Филиппины в “регулярного импортера кукурузы”.

Вовсе не случайно проект предложения США по сельскому хозяйству (ставший позже проектом Соглашения по сельскому хозяйству) на Уругвайском раунде переговоров по Генеральному соглашению о тарифах и торговле, который дал толчок всей этой политике,

ВСТАВКА 3: Компания Cargill

Cargill является одним из двух крупнейших экспортеров соевых бобов из США, Аргентины и Бразилии, разделяя со второй компанией господствующие позиции в мировых поставках этой культуры. Cargill экспортирует примерно 40% всей кукурузы, которая вывозится из США, что, в свою очередь, составляет около 30% мирового рынка. Cargill является одним из основных экспортеров и импортеров кукурузы в мире, покупая, поставляя и перемалывая зерновые в странах, превышающих числом количество членов ВТО (160 или около того). Рыночная мощь подобного рода является одним из фактических аспектов мировой сельскохозяйственной торговли, который полностью игнорируется существующими правилами, хотя и вопиет о том, чтобы на него обратили внимание, если уж речь идет об управлении искажениями рынка. Даже простые меры по обеспечению прозрачности до сих пор не реализованы. Торговые правила должны отражать реальные условия, в которых работают рынки, а не теоретические модели идеальных рынков, имеющие мало общего с реальностью.

Отрывок из документа “Продовольственная безопасность и ВТО” (автор София Мэрфи), отражающего позицию коалиции CIDSE - Международное взаимодействие по развитию и солидарности. Сентябрь 2001.

был написан бывшим старшим вице-президентом компании Cargill.

В то же самое время экспортные субсидии, выплачивавшиеся американскому фермеру, выращивавшему кукурузу, в 100 раз превышали средний доход фермера, выращивавшего ту же кукурузу в Минданао. Именно благодаря этим субсидиям экспорт кукурузы из США понизил цены на кукурузу на филиппинском рынке более чем на 20%. Этот сектор был переориентирован на животноводство и сейчас активно “открывается”. Получая огромные субсидии, американские производители свинины и мяса птицы получили большой доступ на рынок Филиппин, снизив рыночную долю местных производителей с 82 до 45 процентов по свинине и с 94 до 49 процентов по птице. Решение, вынесенное ВТО в 1998 году в пользу США, возражавших против мер по регулированию импорта свинины и птицы на Филиппины, еще больше укрепило господство американского агробизнеса на этом рынке.

Агропромышленные ТНК защищают свои интересы и с помощью механизма ВТО по урегулированию разногласий — системы, которая угрожает торговыми санкциями странам, устанавливающим “барьеры” против расширения контроля корпораций

и увеличения их прибылей. Решение, принятое ВТО в сентябре 1997 года против схемы импорта бананов, предложенной Европейским Союзом для экспортеров из Африки, Тихоокеанского и Карибского бассейнов, показывает масштабы влияния ТНК. Жалоба против ЕС была подана Эквадором, Гватемалой, Гондурасом, Мексикой и США. Правительство Соединенных Штатов подало жалобу от имени американской ТНК Chiquita, хотя сами США не экспортируют ни единого банана.

3.3 Понижающая гармонизация

По правилам ВТО национальное и местное законодательство должно быть “гармонизировано”, приведено в соответствие с международными нормами. И хотя предполагается, что эти международные нормы будут служить основой для национальных законодательств, любые местные законы, идущие дальше этих международных норм, объявляются барьерами, несправедливо препятствующими торговле. Поскольку разработка новых международных норм внутри ВТО определяется частным бизнесом, возникает неизбежная “понижающая гармонизация”.

Примером такой понижающей гармонизации является Соглашение ВТО по применению санитарных и фитосанитарных норм (SPS) — набор правил и обязательств для реализации международных процедур санитарно-гигиенического контроля импортируемой продукции. Уже сам факт включения инспектирования продовольственного импорта и мер по обеспечению безопасности ввозимых продовольственных продуктов в соглашения ВТО означает, что они рассматриваются как потенциальные барьеры для продвижения интересов агробизнеса.

Во введении упоминалось о том, что министр сельского хозяйства США выбрала процедуры санитарно-гигиенической инспекции и проверки безопасности продовольственных продуктов в качестве мишени, рассматривая их как барьеры для торговли. Соглашение SPS является инструментом как раз для устранения этих барьеров. В частности, в октябре 1998 года ВТО вынесла решение в пользу США в их споре с Японией по поводу действующих в последней процедур санитарной инспекции и карантина для ввозимых в страну сельскохозяйственных продуктов, особенно фруктов. Было сделано заключение, что эти процедуры являлись нарушением Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных норм, несмотря на тот факт, что защита выращиваемых местными фермерами фруктовых культур от ввозимых извне болезней и вредных насекомых является важным вопросом, связанным с правами этих фермеров. Правительство США подало жалобу в ВТО и выиграло дело, действуя во имя интересов американского агробизнеса, стремящегося получить больший доступ на японский рынок. В результате, меры по проверке импортируемых продовольственных товаров были пересмотрены в сторону понижения существовавших санитарно-гигиенических норм и приведения их, таким образом, в соответствие с требованиями ВТО.

Эта понижающая “гармонизация” национальных санитарно-гигиенических норм и мер обеспечения безопасности импортируемых продуктов питания по условиям Соглашения SPS происходит систематически в период, когда кризисы безопасности продуктов питания становятся

все более частым и масштабным явлением. Распространение коровьего губчатого энцефалита (“коровье бешенство”), учащение случаев заражения продуктов питания сальмонеллой, кишечной палочкой и токсическими веществами — вот лишь несколько примеров серьезных угроз жизни и здоровью, с которыми сталкиваются фермеры, работники сельского хозяйства и пищевой промышленности и потребители за последние годы. Эти кризисы подчеркивают острую потребность в более жестких и эффективных мерах санитарного контроля и обеспечения безопасности пищевой и сельскохозяйственной продукции. Необходимо устанавливать нормы безопасности на более высоком уровне и более жестко следить за их соблюдением. И в этой ситуации ВТО ведет нас в противоположном направлении, понижая нормы и объявляя жесткие санитарно-гигиенические меры незаконными. При этом ТНК во время этих кризисов ставили прибыль выше общественного здоровья, и поэтому в отсутствие государственного регулирования доверять им нельзя.

Международные нормы, лежащие в основе Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных норм, за соблюдением которого так рьяно следит ВТО, опираются на стандарты, разработанные Комиссией Codex Alimentarius, дочерней организацией FAO и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по разработке международных продовольственных стандартов, состоящей из представителей правительств и официальных советников из частного бизнеса. Комиссия Codex Alimentarius находится под сильным влиянием крупных продовольственных и агрохимических корпораций. Американские агропищевые ТНК принимают участие в заседаниях этой Комиссии и определяют позицию, которую занимают представители правительств. Транснациональная компания Monsanto, например, имеет в Codex Alimentarius огромное влияние. США выиграли в ВТО дело против запрета, введенного Европейским Союзом на импорт говядины, в производстве которой использовались гормоны, несмотря на обширную научную информацию, свидетельствующую о потенциально вредном воздействии на здоровье человека остаточных гормонов роста в говядине. Причиной такого исхода дела

является то, что решение ВТО опирается на стандарты Codex Alimentarius, а фигурирующие в деле гормоны роста производятся компанией Monsanto.

В результате прямого влияния ТНК на работу Комиссии Codex Alimentarius разрабатываемые стандарты весьма слабы и допускают использование вредных химикатов, запрещенных во многих странах. Например, Codex допускает остаточное содержание ДДТ в молоке, мясе и зерновых и разрешает использование ряда вредных для здоровья пестицидов, которые запрещены многими правительствами и классифицируются ВОЗ как крайне опасные. Новые международные стандарты ВТО по агрохимикатам — их планка ниже существующих стандартов многих стран — также основаны на стандартах Codex Alimentarius.

Эта проблема не ограничивается только безопасностью пищевых продуктов, она также касается и гигиены и безопасности труда рабочих, производящих эти продукты. Стандарты Codex Alimentarius в отношении безопасности продуктов питания снижают национальные стандарты, ограничивающие или запрещающие использование вредных химикатов. В этом смысле гармонизация не просто приводит национальные законодательства в соответствие с международными правилами торговли, она сводит на нет их значимость как инструмента оказания демократического давления на национальные правительства, надевая на них шоры конкретных обязательств и правил, предназначение которых — постоянно переделывать стандарты в угоду интересам частного бизнеса, прежде всего, ТНК.

3.4 Удар по ГМО-маркировке

По условиям Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле (ТБТ) “производственные процессы и производственные методы” (ППМ) не принимаются во внимание. Это означает, что социальные, трудовые (гигиена и безопасность), экологические и политические условия, при которых производятся товары, считаются не относящимися к делу: товары с

одинаковыми характеристиками должны рассматриваться национальными и местными законодательствами как “эквивалентные” продукты. Это также относится и к “стандартам”, включая добровольные, не имеющие юридической силы механизмы, такие как добровольное снабжение продукции этикетками. В результате, даже добровольная маркировка продукции может рассматриваться как дискриминация продукции компаний, не участвующих в подобных программах.

Отделение производственного процесса от его продукта означает отрицание права людей знать, что содержится в этом продукте и как он был произведен. Исключение производственных процессов и методов, к которому приводит соблюдение Соглашения по ТБТ, есть прямой вызов исторической борьбе профсоюзов за признание труда, вложенного в продукт. Профсоюзы всегда боролись за то, чтобы о продукте судили по условиям, при которых он производится. Профсоюзам удалось эффективно мобилизовать потребителей, чтобы оказать давление на работодателей и заставить их дать информацию об условиях, при которых был произведен тот или иной продукт. Настояв на отделении продаваемых товаров и услуг от их производственных процессов и методов, ВТО заложила основу для оспаривания тех национальных законодательств, которые пытаются установить эту связь.

Примером тому является использование ВТО для наступления на маркировку и ограничение торговли генетически модифицированной продукцией. США рассматривает генетически измененное и неизмененное продовольствие как эквивалентные продукты: поэтому первые не требуют никакой специальной проверки на безопасность, особых исследований или этикеток, чтобы попасть на прилавки. Эта позиция поддержана исключением производственных процессов и методов из Соглашения по ТБТ. В результате, попытки правительств Шри-Ланки и Боливии ввести законы, запрещающие ГМО, натолкнулись на угрозу правительства США, а также Аргентины и Австралии

оспорить эти действия через ВТО.

В январе 2001 года Боливия ввела годичный запрет на все пищевые и сельскохозяйственные продукты, произведенные из генетически модифицированных культур, однако нажим со стороны аргентинского правительства, а также агропищевых и биотехнологических корпораций привел к отмене этого закона. В августе 2001 года в ответ на давление со стороны экологических групп, организаций мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих боливийское правительство объявило о том, что запрет будет преобразован в Верховное Постановление и получит статус постоянно действующего закона. Но угроза правительств Аргентины и США возбудить против Боливии дело в рамках ВТО заставила правительство отменить запрет за два месяца до объявленного срока его истечения. Боливийская миссия в ВТО в Женеве проинформировала свое правительство о том, что угрозы Аргентины и США были “обоснованы правилами ВТО”. Аргентина является вторым после США экспортером генетически модифицированной сои и активно использует пестицид широкого спектра действия Roundup, производимый компанией Monsanto.

В мае 2001 года правительство Шри-Ланки ввело запрет на импорт 21 категории генетически модифицированных продовольственных товаров, включая сою, соевое молоко, соевый соус и соевую муку, помидоры и томатосодержащие продукты, а также кукурузную муку. Одновременно с этим правительство объявило, что запрет будет реализован на основании поправок к Закону о продовольствии, которые должны были вступить в силу в сентябре того же года. Согласно этому запрету вводилась обязательная сертификация всего импортируемого продовольствия на предмет отсутствия ГМО. В ответ американское и австралийское правительства предупредили правительство Шри-Ланки о том, что опротестуют этот запрет в ВТО. Правительство США указало, что против Шри-Ланки могут быть применены санкции, которые обойдутся стране в 190

миллионов американских долларов, если новый закон начнет действовать. В результате, запрет был приостановлен. Тем временем ВТО потребовала от шри-ланкийского правительства представить научные доказательства в поддержку своего решения и предупредила, что запрет будет рассматриваться как несправедливый барьер в торговле.

Уже через шесть недель после своего вступления в ВТО Китай столкнулся с угрозой возможного судебного разбирательства в ВТО по поводу маркировки генетически модифицированной продукции. Правительство США пригрозило подать в ВТО официальную жалобу на новые китайские правила импорта генетически модифицированного продовольствия. Несмотря на то, что эти правила предназначены для защиты здоровья людей и окружающей среды, американское правительство расценивает их как “несправедливый барьер в торговле”.

Необходимость государственного регулирования ГМО — вопрос не только безопасности продуктов питания, затрагивающий здоровье населения, он касается и права людей на отказ от употребления ГМО. Более того, это вопрос критической важности для мелких фермеров, включая тех, кто ведет нетоварное хозяйство, чьи средства к существованию ставятся под угрозу конкуренцией со стороны крупного агробизнеса, использующего ГМО для подрыва цен и производства излишков для демпинга за рубежом. Их хозяйствам также угрожает зависимость от генетически модифицированных семян и специальных пестицидов и удобрений, которых эти семена требуют. С точки зрения прав, мелкие фермеры, ведущие нетоварное и крестьянское хозяйство, должны иметь право самостоятельно выбирать, выращивать им генетически модифицированные культуры или нет, они должны иметь право быть свободными как от зависимости от ТНК, так и от разрушительной конкуренции с ними, которая вытесняет фермерскую продукцию с местных рынков и заставляет их уходить со своей земли. В этом смысле мы должны говорить о праве на государственное регулирование ГМО как средстве защиты других прав.

4. Расширяя контекст

Воздействие Соглашений ВТО по сельскому хозяйству, по техническим барьерам в торговле и по применению санитарных и фитосанитарных норм не ограничивается только пересмотром или отказом от определенной политики, противоречащей правилам ВТО. Такие изменения зачастую не являются результатом разбирательства в рамках ВТО или прямого применения правил ВТО. Влияние этих соглашений ощущается и без каких-либо споров в ВТО или получения предупреждений о нарушении правил этой организации. Существующий в ВТО механизм анализа торговой политики, например, играет важную роль в придании этим правилам статуса закона. Частью этого механизма является обязательное для тех, кто определяет политику в стране и на местах, проведение постоянной оценки существующей или предлагаемой политики в свете ее потенциального несоответствия правилам ВТО, включая возможное применение торговых санкций в отношении любого экспортного товара. Принятие решений на национальном и местном уровне в рамках, ограниченных постоянной оценкой рисков, означает, что интересы общества и все, что тревожит людей, могут остаться проигнорированными, поскольку любой законопроект потенциально способен привести к нарушению правил ВТО. Это еще больше изолирует правительства от давления со стороны рабочего и общественного движений.

Это вновь напоминает нам о том, что правила, регламентирующие мировую торговлю, которые привычно представляются как выражение единодушного признания рациональности и здравого смысла свободной торговли, на самом деле основываются на угрозе санкций ВТО. То, что на первый взгляд выглядит как добровольные соглашения, достигнутые в ходе открытых переговоров, на самом деле есть результат угроз, принуждения, уступок и коммерческих сделок

— области, где безраздельно правят технократы и частный бизнес. В следующем разделе мы исследуем эту власть принуждения и политику, на которые опирается режим ВТО, а также взглянем на корпоративную глобализацию в более широком контексте.

4.1 ВТО как режим

Страны-члены ВТО официально подразделяются на “развитые”, “развивающиеся” и “наименее развитые”. Официальное обоснование такого разделения заключается в том, что развивающимся и наименее развитым странам требуется больше времени на выполнение обязательств, заложенных в соглашениях ВТО. Это оправдано тем фактом, что различия в степени развития порождают различия в способности стран соблюдать правила и предписания ВТО. Как результат, временные сроки, устанавливаемые для устранения определенных видов барьеров, увеличиваются для менее развитых стран. Однако, реальность такова, что за последние пять лет Четверка (правительства ЕС, США, Японии и Канады) агрессивно использовали механизмы ВТО для разрешения споров и анализа торговой политики, строго следя за соблюдением экономически бедными странами правил и предписаний ВТО. Вместо того, чтобы делать скидку на разницу в уровне развития, ВТО определила, *какой тип развития* является допустимым, принуждая развивающиеся страны придерживаться этой модели ценой огромного политического, социального и экологического ущерба. В более широком смысле, приведение национальных и местных законодательств и правил в соответствие с новыми мировыми стандартами, разработанными частным бизнесом и насаждаемыми ВТО, привели к систематическому разрушению усилий по защите единых прав, здоровья и средств к

существованию трудящихся и нашей способности осуществлять демократический контроль над капиталом.

Это подтверждается тем фактом, что ВТО выступает не столько как организация стран-членов, сколько некий *принудительный* режим, который поддерживает неравенство мировой экономической системы, обеспечивая непрерывность господства промышленно развитых стран — в первую очередь, ЕС, США и Японии, где имеют свои штаб-квартиры 480 из 500 крупнейших ТНК мира. Тип развития, который одновременно и дозволяется, и насаждается режимом ВТО, защищает интересы этих ТНК, увеличивая их власть и прибыли.

То, что развивающиеся и наименее развитые страны ограничены в своем развитии только такой моделью, существенно снижает возможности для демократических инициатив по снижению уровня бедности и поддержке более созидательных и устойчивых путей развития. В частности, усилия, направленные на поддержку локализации и развитие отдельных районов, подрываются запретами на правительственные субсидии и ограничениями любого вида государственной поддержки, которая могла бы ограничить господство ТНК на местных рынках. По условиям соглашений ВТО правительствам развивающихся стран нельзя осуществлять промышленную политику, которая способствует развитию местной индустрии или накладывает на иностранных инвесторов обязательства по поддержке местного развития (например, политику, нацеленную на повышение доли отечественного производства в продукции зарубежных компаний, или требования в отношении передачи технологий), несмотря на тот факт, что правительства промышленно развитых стран использовали в прошлом ту же самую политику для индустриализации своих государств. Вместо этого растущая зависимость от ТНК сочетается с ростом финансовой нестабильности и углублением неравенства внутри стран и между ними.

Таким образом, режим ВТО замораживает существующую иерархию богатых и бедных государств, увековечивая неравенство мировой экономики с его колониальными истоками.

4.2 Корпоративная глобализация: устранение барьеров

Именно в этом контексте мы должны вернуться к вопросу глобализации. Как политический процесс глобализация предполагает устранение политических и социальных барьеров, препятствующих экспансии капитала, представленного транснациональными корпорациями и банковскими и финансовыми учреждениями. Под этими барьерами подразумеваются не тарифы или иные ограничения потока товаров и услуг, пересекающих границы государств. Речь идет о политических и социальных барьерах, выстроенных в течение долгих лет борьбы рабочих и общественных движений, чтобы защитить совокупные политические, экономические и социальные права трудящихся посредством ограничения власти корпораций, ставящих прибыль выше нужд людей. Они включают в себя различные формы государственного регулирования деятельности частных компаний, такие как законы о занятости, здравоохранении и защите окружающей среды. Государственная форма собственности и государственная сфера услуг тоже подвергаются нападкам как барьеры, поскольку они ставят справедливость и социальные нужды выше самой главной потребности корпораций — частной прибыли.

В погоне за большей корпоративной свободой ТНК оказывают все большее давление на правительства, добиваясь вывода своей деятельности из-под государственного регулирования и приватизации государственного сектора. Только за последнее десятилетие из 1035 изменений в законодательствах о зарубежных инвестициях 94 процента предоставляли корпорациям большую свободу и снижали способность — и право — правительств регулировать их деятельность. Однако и этого оказалось недостаточно. Опасаясь, что профсоюзы и другие общественные движения обратят вспять процесс дерегулирования и приватизации и восстановят (или создадут) демократические формы контроля над капиталом, ТНК потребовали, чтобы все изменения, сделанные во имя свободной торговли, были зафиксированы и стали незыблемыми. Поэтому был составлен новый

набор глобальных правил с целью заставить все без исключения правительства защищать и поддерживать права ТНК, и теперь торговые санкции и экономическая изоляция грозят любому государству, которое откажется им следовать. Эти правила не только поставили глобальную систему над национальной, но и придали глобальным корпорациям статус правительств. Крупнейшие из этих ТНК уже располагают средствами, сравнимыми с бюджетами большинства правительств, поэтому придание им международным законодательством аналогичного юридического и политического статуса виделось как следующий логический шаг.

В этом контексте предназначение соглашений ВТО как компонентов режима ВТО заключается в том, чтобы запретить государства на национальном и местном уровне, исключая возможность повторного возведения этих барьеров. Режим ВТО совершенно отчетливо нацелен на предотвращение отказа от неолиберальной политики и власти корпораций, которую она укрепляет, угрожая санкциями странам, чьи правительства пытаются восстановить эти барьеры или создать новые формы социальной и/или экологической защиты в ответ на давление со стороны рабочего и общественного движений.

Как и навязываемые МВФ программы структурной перестройки, "гармонизация" в рамках ВТО нацелена против продовольственного самообеспечения и безопасности пищевых продуктов как барьеров для корпоративной прибыли. ВТО всей основой своей противостоит устойчивому сельскому хозяйству, которое гарантирует доступность продуктов питания, более справедливое их перераспределение и защиту окружающей среды, именно потому, что все это ограничивает стремление к получению максимальной прибыли и расширение деятельности агропищевых ТНК.

4.3 Зависимость от экспорта и внешний долг

Неравенство, увековечиваемое режимом ВТО, наглядно продемонстрировано

запретом на меры по поддержанию торгового баланса (когда правительства вводят ограничения на импорт корпорацией исходных компонентов производства или устанавливают соответствие между импортом корпорацией исходных компонентов и экспортом готовой продукции) и на требования по поддержанию валютного баланса (когда объем разрешенного корпорации импорта привязывается к стоимости ее экспорта таким образом, чтобы образовывался чистый доход в иностранной валюте). Этот запрет игнорирует реальности мировой экономической системы, в которой более бедные страны заперты в рамки индустриализации, ориентированной на экспорт, и связаны огромным внешним долгом. По сути, введение требований по экспорту для иностранных инвесторов и обеспечение чистого притока иностранной валюты во многом основано на необходимости выполнять обязательства по валютному обслуживанию внешнего долга. Несоблюдение сроков выплат по погашению внешнего долга просто ставит правительства этих стран под более ощутимый контроль транснациональных банков и МВФ.

По данным ООН, суммарная внешняя задолженность всех развивающихся стран в 1980 году составляла 567 миллиардов американских долларов, а к 1992 году достигла 1,4 триллиона долларов. За тот же двенадцатилетний период общая сумма выплат в счет обслуживания внешнего долга странами третьего мира составила 1,6 триллиона долларов США. Это означает, что, несмотря на выплату суммы, втрое превышающей 567 миллиардов долларов, которые они заняли, в 1992 году эти страны были должны в два с половиной раза больше, чем в 1980. Из 226 миллиардов долларов, следовавших в качестве обслуживания долга 93-х бедных государств в 1998 году, 209 миллиардов были фактически выплачены. По оценкам специалистов, на это ушло свыше 70 миллиардов долларов, которые должны были расходоваться на здравоохранение, образование и развитие, чтобы удовлетворить элементарные человеческие потребности и права.¹

Сегодня внешний долг развивающихся стран превышает 2,5 триллиона долларов США. На данный момент правительства развивающихся стран предложили списать лишь около 100 миллиардов из этой суммы. Однако более 600 миллиардов долларов, составляющих долг 71-й страны, которые не в состоянии в полном объеме обслуживать свою внешнюю задолженность, должны быть списаны немедленно, иначе эти страны лишатся возможности реализовывать элементарные права человека, включая право на достаточное, безопасное и полноценное питание и право на защиту средств к существованию.

Обещание списать часть долга, данное во время саммита Большой Восьмерки на Окинаве в 2000 году, никак не помогает разрешить эту проблему. Хотя странам с высоким уровнем задолженности было предоставлено 25-процентное сокращение общей суммы их долга, условиями этих списаний стали выплата непогашенной задолженности в более короткие сроки и осуществление более масштабной неолиберальной экономической политики, в частности, приватизация государственного сектора услуг и коммунального обслуживания. Чтобы добиться списания части долга, такие страны как Мозамбик, где ежегодная сумма обслуживания долга превышает расходы на здравоохранение и образование, должны, оказывается, еще больше сократить бюджетные расходы на здравоохранение и образование (усугубляя, таким образом, бедность и неравенство).

Губительная логика, лежащая в основе этой ситуации, ясно указывает на необходимость для международного профсоюзного движения потребовать полного и безусловного списания всей внешней задолженности развивающихся стран. Это необходимый шаг в решении проблемы неравенства, которое старается увековечить режим ВТО. При этом может быть создано пространство для выстраивания альтернативных моделей развития, в которых социальные нужды и средства к существованию трудящегося населения ставятся выше прибылей частных компаний.

Если бы долг был отменен, во что это обошлось бы трудящимся промышленно

развитых стран? Согласно данным Коалиции Юбилей 2000 (Jubilee 2000 Coalition), стоимость списания долга беднейших стран была бы ничтожной. Для Великобритании потери в расчете на душу населения, вероятно, не превысили бы двух фунтов в год или четырех пенсов в неделю на каждого налогоплательщика. В Канаде последствия списания задолженности бедных стран эквивалентны примерно 15 канадским долларам на каждого канадца в течение трех лет.

Взаимосвязь, существующая между порочным кругом внешней задолженности с ее зависимостью от экспорта и режимом ВТО, имеет ключевое значение. Полномочность членов ВТО вводить санкции против любого другого члена, считающегося нарушителем правил, является ключевым элементом принудительной силы этого режима. Но торговые санкции, или угроза их применения, эффективны лишь против стран, которые зависят от экспорта.

Могущество торговых санкций фактически основано на зависимости от страны экспорта. Тогда как демократические системы продовольственного самообеспечения и устойчивого сельского хозяйства, базирующиеся на праве на продовольственную безопасность и суверенитет, наоборот, не давали бы угрозам применения санкций достигать своего полного эффекта и ослабляли бы способность ВТО оказывать давление на национальные правительства для обеспечения ничем не ограниченной эксплуатации страны транснациональными компаниями.

Анализ принудительной силы внешнего долга показывает также, что простая замена “свободной торговли” на честную торговлю сама по себе не является решением проблемы. Честная торговля лишается всякого смысла, если некую страну последние сто лет вынуждали выращивать и экспортировать кофе, или если люди одновременно голодают и продают рис за рубеж. Вместо этого нам необходимо фундаментально переосмыслить, зачем мы торгуем, чем мы торгуем, и осознать потребность в местных альтернативах.

Для развивающихся стран, однако, о таких альтернативах нельзя даже помыслить,

пока они обременены внешним долгом. Настоятельная потребность обслуживать долг вынуждает их ориентироваться на экспорт; она запирает эти страны в рамках режима свободной торговли и инвестиций, реализуемого ВТО, и политики структурной перестройки, на которой настаивают Всемирный Банк и МВФ.

Прежде чем любая система честной торговли сможет быть по-настоящему результативной, необходимы полная и немедленная отмена внешней задолженности бедных стран и расширение свободной от любых условий международной социальной помощи. В то же время власти ТНК

должна быть противопоставлена более эффективная международная профсоюзная деятельность, включающая более решительное ведение коллективных переговоров с ТНК. Это необходимо сочетать с расширением деятельности общественных движений для наращивания давления с целью обуздания ТНК и ограничения, а не расширения их прав.

1. Джозеф Хэнлон, "Какая часть долга должна быть списана?", *Journal of International Development*, 12, 2000, сс.877-901.

5. Глобальные инвестиционные режимы

Одним из важнейших результатов Министерской конференции ВТО в Дохе и начатого ею нового раунда международных переговоров, получившего название Раунда Развития, является предложение о включении в ВТО инвестиционных правил. Параграф 20 Министерской декларации в Дохе признает "... обоснованность многосторонней структуры, которая обеспечит прозрачные, стабильные и предсказуемые условия для долгосрочных инвестиций за рубеж, особенно прямых зарубежных инвестиций, которые будут способствовать расширению торговли".

По сути, это возрождает провалившуюся попытку 1998 года подписать в рамках ОЭСР Многостороннее соглашение по инвестициям (MAI), набор правил, устанавливающий некую глобальную хартию вольностей для ТНК. Признавая незаконной любую форму государственного регулирования деятельности ТНК и расширяя корпоративное проникновение в сферу здравоохранения, образования и экологии, MAI променяло права человека и демократию на права и прибыли корпораций. Предложенный проект MAI был нацелен на защиту прав не только промышленного, но и финансового капитала. Взаимные и пенсионные фонды, банки и страховые компании освободились бы еще больше от государственного регулирования и средств государственного контроля за их деятельностью, несмотря на тот факт, что эти же самые корпорации являются главным источником глобальной финансовой нестабильности, порождающей финансовые кризисы в Азии, Восточной Европе и Латинской Америке, которые обездолили миллионы трудящихся.

Именно в этом контексте в 1998 году была одержана одна из самых знаменательных побед над неолиберальной глобализацией. Массовые манифестации и протесты заставили ряд правительств осознать, что подписание Многостороннего соглашения по инвестициям обойдется им слишком дорого в

национальной политической валюте — по крайней мере, на тот момент. Не успела программа MAI понести поражение, как она тут же всплыла вновь в виде проекта Многостороннего инвестиционного соглашения (MIA) в рамках ВТО, а также в ряде других обличий. Игнорируя то, что общественность отвергла глобальную власть корпораций, торговые чиновники вновь включили MAI в повестку дня, используя для этого новые, и более скрытные, способы.

5.1 Инвестиционные правила внутри ВТО

Некоторые из корпоративных прав, заложенных в Многостороннем соглашении по инвестициям (MAI), по сути уже включены в правила ВТО. Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей, (TRIMs) вводит запрет на любые законы, политику или административные постановления, дающие преимущества продукции, произведенной внутри страны. Под этот же запрет попадают и правительственные меры по стимулированию корпораций к использованию продукции местного производства как способу создания или защиты рабочих мест в стране. Это имеет серьезные последствия для промышленной политики, направленной на поддержку развития собственных производственных мощностей, обеспечение притока средств от иностранных инвестиций или ограничение воздействия иностранной конкуренции. Сделав политику увеличения доли национального производства в продукции иностранных фирм и предъявление производственных требований к иностранным инвестициям противозаконными, ВТО еще больше сократила возможности профсоюзов оказывать давление на правительства, добиваясь осуществления социально полезной, создающей рабочие места индустриальной политики.

Подлинное значение Соглашения TRIMs заключается не в том, чем оно должно было стать, а в том, что оно есть. Изначально предполагалось, что в режим ВТО будет включено всеобъемлющее соглашение по инвестициям. Это гарантировало бы универсальность отношений государств с иностранными инвесторами и наложило бы запрет на любые виды государственного регулирования иностранных инвестиций, такие как требования о передаче технологий, ограничения по переводу прибыли за рубеж, средства контроля за валютными потоками, правительственный анализ эффективности иностранных инвестиций, национализацию, экспроприацию и т.д. Правительства ЕС, США, Японии и Канады попытались протолкнуть это предложение, но натолкнулись на сильное сопротивление со стороны правительств развивающихся стран. Итоговым компромиссом стало изрядно разбавленное Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей. Тем не менее, продолжается оказание нажима в пользу подписания более жесткого Соглашения TRIMs, которое стало бы для ТНК еще одним Биллем о Правах. После конференции в Дохе вероятность того, что в ВТО будет введено новое инвестиционное соглашение, которое заменит собой действующее Соглашение TRIMs, повысилась.

5.2 Глава 11 Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA)

Текст проекта Многостороннего соглашения по инвестициям (MAI) имел своей основой инвестиционные правила, содержащиеся в Главе 11 Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA). Наступление на права и благосостояние трудящихся, выразившееся в Главе 11 соглашения NAFTA, содержит, посему, очень важные уроки для профсоюзных движений всего мира.

Глава 11 NAFTA выражает в сжатой форме стремление мирового капитала освободиться от всех и всяческих ограничений, касающихся условий инвестирования средств за рубежом. Глава 11 формулирует серию “прав” и средств защиты инвесторов, кульминацией которой

является право корпораций напрямую оспаривать законы, нормы и принятую практику страны, подписавшей договор об инвестициях, если они посягают на возможность для инвестора извлекать максимальную прибыль. Согласно Главе 11, противозаконно выдвигать инвесторам требования о доле национального производства в их продукции, передаче технологий или репатриации прибыли. Судебные иски инвесторов против государства могут возбуждаться корпорациями, требующими компенсации за потенциальную потерю доходов *в будущем*. Корпорация в таких случаях считается жертвой действия “равнозначного экспроприации”. Слушания проводятся в закрытых судах, укомплектованных арбитражными “экспертами”. Не нужно говорить, что соглашение не дает правительствам никаких ответных прав судебного преследования корпораций за нанесение социального, экономического или экологического ущерба в настоящее время или в будущем.

Право иностранных корпораций подавать в суд на правительства других стран за принятие законов, которые влияют на их фактическую или будущую деловую активность, означает, что правительствам больше нельзя разрабатывать и претворять в жизнь законы, защищающие экологические, социальные нормы и нормы здравоохранения, не рискуя при этом оказаться ответчиком в деле, возбужденном инвестором. Более того, механизм обжалования инвестором действий правительства позволяет сразу нескольким ТНК подавать индивидуальные жалобы в отношении одного и того же вопроса, умножая давление — и потенциальную выплату компенсаций за ущерб — на правительство. Эти иски по поводу “регуляционной экспроприации” не только изменяют значение экспроприации, расширяя список “прав” инвесторов; они также по-новому определяют понятие государственного регулирования. Широкий спектр направлений политики, административных мер и законов, которые ограничивают, умеряют, направляют, адаптируют или сдерживают деятельность зарубежных инвесторов, рассматриваются теперь как акты покушения на собственность этих корпораций.

6 ноября 2001 года американская компания Crompton Corporation уведомила канадское правительство о своем намерении возбудить дело на основании Главы 11 соглашения NAFTA о взыскании компенсации ущерба в размере 100 миллионов долларов США. Crompton Corporation заявляет, что меры, предпринятые Канадским агентством по регулированию борьбы с сельскохозяйственными вредителями для поэтапного выведения из использования опасного для людей пестицида под названием Линдейн (Lindane), "равносильны экспроприации" по условиям NAFTA. Линдейн, пестицид аналогичный ДДТ, выпускается Crompton Corporation и используется главным образом при выращивании рапса. Было доказано, что Линдейн вызывает рак груди и расстройства нервной системы, и, как следствие, использование этого пестицида запрещено в семи странах и жестко ограничено в других, включая США.

В 1997 году американский химический гигант, корпорация Ethyl Corp., использовала Главу 11 NAFTA для возбуждения иска против канадского правительства по поводу запрета на использование ММТ - выпускаемой корпорацией Ethyl присадки для бензина, которая является токсичной и наносит вред здоровью людей. Ethyl заявила, что запрет "экспроприировал" активы корпорации в Канаде и что *"дебаты в законодательных органах сами по себе составляли экспроприацию ее собственности, поскольку публичное осуждение ММТ нанесло ущерб репутации компании"*. Ethyl потребовала от канадского правительства компенсации в размере 250 миллионов долларов США. Годом позже, в июне 1998, канадское правительство отозвало проект закона об охране окружающей среды, запрещавшего использование ММТ и выплатило корпорации Ethyl 13 миллионов долларов, чтобы закрыть дело.

Тремя годами позже канадская компания Methanex возбудила иск против правительства США, требуя компенсации в

размере 970 миллионов долларов за принятые в Калифорнии экологические законы, которые запрещают использование вредного для здоровья химиката, производимого компанией. Methanex утверждала, что закон, защищающий здоровье людей, был "равнозначен экспроприации".

Те же инвестиционные правила NAFTA использовались корпорацией Metalclad, подавшей в суд на мексиканское правительство. В октябре 1996 года Metalclad, американская корпорация, занимающаяся уничтожением мусора, обвинила мексиканское правительство в нарушении положений Главы 11 NAFTA, когда штат Сан Луис Потоси отказался выдать разрешение на открытие ранее закрытой свалки. Губернатор штата приказал закрыть свалку после того, как геологическая проверка установила, что свалка заразит источник воды для местной системы водоснабжения. Губернатор объявил свалку частью экологической зоны площадью 240 000 гектаров. Metalclad объявила это актом экспроприации и потребовала компенсации в размере 90 миллионов американских долларов. В августе 2000 года арбитражный суд NAFTA, рассматривавший дело Metalclad Corp против Мексики, вынес решение в пользу корпорации, приказав мексиканскому правительству выплатить компенсацию в размере 16,7 миллиона долларов.

Судебные иски корпораций Crompton и Ethyl против канадского правительства и решение NAFTA в пользу Metalclad в деле против мексиканского правительства представляют собой не просто примеры наступления на законодательство, защищающее окружающую среду и здоровье людей. Это примеры наступления на плоды длительной борьбы внутри страны, которыми изначально и являлись эти законы. В этом смысле *отмена новых социальных и экологических законов, мешающих свободной торговле, означает отмену прошлых побед рабочего и общественного движений*.

Судебные иски инвесторов против государств по поводу нарушения положений NAFTA показали также, что федеральные правительства часто стремятся проиграть эти дела, чтобы наказать правительства провинций, штатов или городов за

осуществление прогрессивной социальной и экологической политики. Там, где федеральные правительства не имеют юридической или политической власти отменить такие законы, они могут позволить NAFTA (или ВТО) сделать это за них.

5.3 Соглашение о Панамериканской зоне свободной торговли и двусторонние инвестиционные режимы

Несмотря на протесты общественности против NAFTA, правительства США и Канады уже включили основные элементы инвестиционных правил NAFTA в свои двусторонние инвестиционные соглашения с развивающимися странами. Канадское правительство подписало уже 25 таких соглашений. Это отражает тот факт, что с момента подписания Соглашения о свободной торговле (ФТА) с США в 1988 году, канадское правительство придерживалось американской стратегии выстраивания многослойной структуры двусторонних и многосторонних режимов свободной торговли и инвестирования для закрепления расширенных прав и полномочий ТНК.

Распространение двусторонних торговых соглашений показательно по двум причинам.

Оно опровергает один из основных идеологических доводов ВТО за предоставление ТНК большей власти, который состоит в том, что незыблемые (проинвесторские) глобальные правила являются единственным противоядием от калейдоскопа двусторонних соглашений. И оно обнажает суть, лежащую в основе стремления заключать новые инвестиционные и торговые соглашения и укреплять существующие.

Глава об инвестициях, схожая с Главой 11 NAFTA, также готовится сейчас в новом Соглашении о Панамериканской зоне свободной торговли (ФТАА). Договор ФТАА является расширением договора NAFTA; он включает все 35 государств обеих Америк, за исключением Кубы. В 1998 году была сформирована переговорная группа по инвестициям, которая должна была разработать новую хартию прав ТНК. Несмотря на противодействие включению в соглашение ФТАА правил, подобных тем, которые содержатся в Главе 11 NAFTA и MAI, есть серьезные признаки того, что эта работа продолжается. Хотя сохраняется вероятность, что системе обжалования инвестором действий правительств удастся успешно противостоять, существует реальный риск того, что расширенное определение экспроприации будет включено в новый договор. Развивая инвестиционный режим NAFTA, соглашение ФТАА стремится радикально ограничить пространство для *нашей* деятельности по защите наших условий жизни и труда, нашей среды и наших прав как трудящихся и граждан, лишая правительства способности предпринимать регулирующие действия в интересах общества.

6. Заключение: выводы для формирования стратегии

Возрождение MAI и распространение инвестиционных правил NAFTA в новых формах содержат важные уроки для выработки профсоюзной стратегии в ответ на корпоративную глобализацию и деятельность ВТО. Мы, безусловно, не можем ограничиваться противодействием отдельным инвестиционным соглашениям и сделкам по свободной торговле. Там, где нам удастся остановить одно соглашение о свободной торговле, другое возникает ему на смену в новой форме. Нельзя нам и метаться с одной всемирной конференции на другую, оставляя наших членов в роли пассивных наблюдателей процесса проведения глобальных встреч на высшем уровне, безмерно удаленного от тех проблем, с которыми им приходится бороться. Это может привести лишь к тому, что наше движение будет измотано и лишится сил. Вместо этого нам необходимо выступить против существующего режима свободной торговли и инвестирования в целом, не заниматься его отдельными частями вне их связи друг с другом, а выстроить стратегию, которая борется с фундаментальными основами этого режима и стоящих за ним корпоративных интересов. Это не означает, что профсоюзы должны отказаться от проведения кампаний против новых или существующих компонентов этого режима. Такие кампании необходимы. Речь, однако, идет о том, что отдельные кампании должны продуманно складываться в одну общую стратегию.

Это также касается попыток включения конкретных положений или условий в тексты соглашений. Широко распространено предположение о том, что социальные последствия деятельности ВТО могут быть сглажены или перенаправлены, если определить, чего *не хватает* в соглашениях ВТО и настоять на *включении* этих моментов. Однако более пристальное изучение власти и политики существующего режима ВТО показывает изначальную ограниченность

стратегии включения (то есть попыток включить права или социальные и экологические нормы в договоры ВТО).

Нарочитая расплывчатость соглашений ВТО, примером которой может служить Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (TRIMs), — оно упоминалось в предыдущем разделе, — и явные противоречия в формулировках ряда соглашений ВТО заставляют думать, что их в первую очередь нужно понимать как политические инструменты и только потом изучать как юридические тексты. Опыт последних семи лет показал, что интерпретация соглашений и их использование определяется силой и политикой режима ВТО. Включение продовольственной безопасности в ту часть Марракешской Министерской декларации, где говорится о Соглашении по сельскому хозяйству, не привело ни к сокращению голода, ни к каким-либо позитивным изменениям в отношении навязывания коммерческого, рыночно ориентированного агропищевого производства, а наоборот вызвало мутацию самого понятия “продовольственная безопасность”. *При режиме ВТО даже голод становится возможностью для ведения бизнеса.*

Стратегия включения, таким образом, является противоречивой по двум причинам. Во-первых, потому что наша борьба за общие единые права должна напрямую решать проблему глобального неравенства и ослаблять принудительную силу торговых и инвестиционных режимов, подобных ВТО, источник которой, в конечном счете, заключается в том самом неравенстве, которое мы стремимся снизить. Во-вторых, потому что режим ВТО, запирая государства в рамках положений, гарантирующих права и свободы ТНК, и модели “развития”, не допускающей альтернатив росту зависимости от рынка, несовместим с долгосрочной реализацией этих прав. Право на достаточное,

безопасное и полноценное питание не может быть реализовано в мире, где ТНК доминируют на местных рынках и разрушают местное производство, и где права этих корпораций гарантируются ВТО. Как нельзя добиться и права на безопасную среду для жизни и труда посредством глобального торгового и инвестиционного режима, который навязывает согласование стандартов в сторону их понижения и рассматривает защиту окружающей среды и здоровья людей как барьеры для роста прибыли корпораций.

Поскольку принудительная сила ВТО основана на глобальном неравенстве, внешней задолженности и зависимости от экспорта, правила и порядки ВТО ограничивают реализацию альтернатив, которые могли бы снизить эффективность этой принудительной силы (например, национальная политика, гарантирующая продовольственный суверенитет). Но эта сила требует от национальных правительств полного послушания. Как мы видели в случае с угрозой применения санкций ВТО против стран, принимающих законы об обязательной маркировке генетически модифицированных или содержащих ГМО продуктов, или ограничении импорта такой продукции, зачастую одной *угрозы* возбудить иск в ВТО оказывается достаточно, чтобы вынудить правительства (особенно экспортно-зависимых стран) изменить свою политику.

Сопротивление, однако, возможно, и это дает профсоюзному движению и его союзникам весомый шанс на успех. В ситуации, когда для решения острых социальных проблем (таких как массовый голод или серьезный кризис здравоохранения) необходима соответствующая национальная политика или законы, профсоюзное движение может решительно отстаивать довод о том, что решение этих проблем важнее соблюдения правил ВТО. По сути, именно такой была основа для глобальной мобилизации сил в защиту прав тех, кто страдает от ВИЧ/СПИДа, в связи с вопросом о (гарантируемых ВТО) правах фармацевтических ТНК; столкнувшись со столь широким выражением протеста, эти компании временно отступили.

В ответ на такое неподчинение другие страны-члены ВТО (обычно промышленно развитые) могут пригрозить подать жалобу в

ВТО и постараться таким образом добиться права на введение санкций или потребовать выплаты компенсаций. Будут эти угрозы успешными или нет, зависит от того, сумеют ли профсоюзные и общественные движения на международном уровне и внутри этих стран оказать достаточное давление и доказательно обосновать причины несоблюдения правил. При окончательном анализе, исход будет определяться не юриспруденцией и интерпретацией текстов, а балансом общественных и политических сил.

Нет никаких причин, по которым неподчинение, причем как идущее снизу, так и выраженное в *государственном масштабе* в рамках режима ВТО, должно ограничиваться в своем использовании только кругом развивающихся стран. Профсоюзы повсеместно могут проводить кампании, добиваясь, чтобы правительства всех уровней (местного, национального, регионального) пересматривали существующие торговые и инвестиционные правила и договоренности в свете прав, указанных в начале этой брошюры, и отвергали все соглашения, которые противоречат этим правам. Узаконивание неподчинения является важным средством утверждения наших приоритетов (выраженных в неразделимом наборе прав) над приоритетами корпоративной прибыли.

Профсоюзы могут и должны вести кампании против включения в торговые соглашения инвестиционных правил, смоделированных по MAI или Главе 11 NAFTA, на том простом основании, что такие правила фундаментально несовместимы с реализацией элементарных демократических прав. Успех кампании за недопущение подписания договора MAI свидетельствует о том, что мнение демократической общественности уже заметно откликается на такие призывы.

Нет никакого сомнения, что в решении проблемы ВТО и корпоративной глобализации будет использоваться широкий набор тактических приемов. Разнообразие тактики уже доказало свою полезность в прошлом. Однако зачастую представляется, что профсоюзы на местном, национальном и международном уровнях используют разную тактику в отсутствие эффективной, последовательной и устойчивой стратегии.

Чтобы стратегия приносила результаты, она должна напрямую оспаривать могущественные политические и корпоративные интересы, формирующие режим ВТО, признавая при этом и его более широкий контекст. Безусловно, необходимо сделать больше, чем просто определить, чего не хватает, или поменять местами приоритеты, отраженные в правилах ВТО. Мы должны заниматься как более широким контекстом режима ВТО, так и той степенью, в которой проблемы мировой продовольственной системы генерируются самой системой, а не просто ошибочной политикой. При этом мы должны избегать разделения нашего набора единых прав. Как было указано во второй главе, права, которые мы отстаиваем, являются взаимосвязанными и неразделимыми. Это не просто вопрос принципа, а отражение того факта, что проблемы, стоящие перед трудящимися, сами по себе взаимосвязаны и неразделимы.

Чтобы стратегия была вразумительной и последовательной, она должна основываться на едином для всех наборе конечных целей, стремление к которым не допускает

компромиссов и которые, несмотря на различия в тактике, используемой в различных ситуациях, должны быть выражены на языке, понятном для наших членов. Поэтому они должны быть сформулированы на языке отстаивания прав и средств к существованию, а не на языке юриспруденции и технократии. А чтобы стратегия была устойчивой, она должна разрабатываться и применяться с чувством неотложности, которое учитывает серьезность и остроту стоящих проблем и признает значение ценностей, которые мы исповедуем. Однако это чувство неотложности не должно преобразовываться в попытки достичь кратковременной “наладки” ситуации, а наоборот, должно формировать основу долгосрочной стратегии, которая мобилизует трудящихся на повышение, через свои профсоюзные организации, своего собственного коллективного потенциала для осуществления демократического контроля над капиталом и утверждения наших общих прав и интересов над властью корпораций и их стремлением к прибыли.

**International Union of Food, Agricultural, Hotel, Restaurant, Catering, Tobacco
and Allied Workers' Associations**

Rampe du Pont-Rouge, 8, CH-1213 Petit-Lancy, Switzerland

Tel: + 41 22 793 22 33

Fax: + 41 22 793 22 38

iuf@iuf.org

www.iuf.org

**Международный союз работников пищевой и табачной промышленности,
сельского хозяйства, ресторанного и гостиничного обслуживания,
общественного питания и смежных отраслей**

Московское представительство IUF

iufmoscow@iuf.org

www.iuf.ru

